DOI: 10.24833/2541-8831-2019-3-11-167-178

ЭХ, ДОРОГИ! ИЛИ КАК РАБОТАЮТ ДЕМАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ

Л.А. Агрба

Абхазский государственный университет. 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1.

Данная статья – попытка на примере одной идеологемы «охрана дорог», использованной четверть века назад властями Грузии в качестве предлога для военного вторжения в Абхазию, показать, как работают средства конструирования политической реальности. Исследование выявило, что подобные идеологемы инициируют определённую социально-поведенческую рефлексию и позволяют стране-агрессору, прикрываясь псевдо-гуманными целями, осуществлять как «мягкую» гуманитарную, так и прямую военную экспансию.

Цель исследования – проанализировать идеологему «охрана дорог», выделить её манипулятивные концептуальные признаки и доказать их искажающую реальность природу. С этой целью автор обращается к событиям августа 1992 г. и осмысляет в качестве линговопрагматической подоплёки экспансии концепт «охрана дорог». Это позволяет решить главную задачу – понять, как с помощью идеологических штампов в сознание людей внедрялись установки, и создавались необходимые политические настроения, позволившие властям Грузии осуществить не осуждённое мировым сообществом военное вторжение на территорию Абхазии.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые вводится и актуализируется понятие демагогической идеологемы. Таковая определяется как популистско-пропагандистский штамп, манифестирующий себя в определённый исторический период как реальность и отличающийся императивностью и, главное, симулятивностью. Подобные идеологические штампы вбрасываются в политический дискурс с целью усыпления бдительности и подталкивания к заведомо ошибочным выводам. Со временем, однако, демагогические идеологемы утрачивают свою значимость и воспринимаются как не оправдавшие ожиданий представления, не соответствующие аксиологическим доминантам представителей определённой лингвокультуры. В работе мы придерживались лингвоидеологического, лингвосемиотического и лингвокультурологического методов исследования.

Ключевые слова: охрана дорог, демагогическая идеологема, экспансия, концепт, штамп, политический дискурс, манипуляция, мифологизация

Введение

Политика – это кодово-семиотическая система, использующая лингвистические приёмы для воздействия на сознание масс, неслучайно говорят, что политика, как поэзия, строится на правильно подобранном слове. Именно язык является инструментом пропаганды и идеологии, позволяющим осуществлять различные политические действия. Согласно А. Биарду (*Adrian Beard*), грамотное использование языка помогает политику составить в сознании избирателя нужное ему представление о реальности. Рассуждая о роли языка в политике, он подчёркивает, что язык – это не только инструмент циничной манипуляции, но также средство представления (презентации) и политической аргументации, а это идеология, порождающая верования. Язык неотделим от идей, но от того, каким образом он будет использован, зависит форма идеи [Beard, 2000: 5, 18, 21].

Действительно, политическое влияние концентрируется в силе слова, – оно несёт в себе огромный заряд, является эффективным средством манипулирования и влияния, способным побуждать к действию. Политик должен уметь затронуть нужную струну в сознании адресатов, а его высказывания обязаны укладываться во «вселенную» мнений и оценок его избирателей, «потребителей» политического дискурса. Для этих целей используются в том числе различные идеологемы.

Понятие идеологема, введенное в науку М.М. Бахтиным, использовалось для обозначения способа репрезентации той или иной идеологии. Автор понимал идеологему в широком, семиотическом смысле, придавая всему идеологическому знаковое значение. «Где нет знака – там нет и идеологии», – говорил он [Бахтин, 2000: 353]. По Бахтину, идеологема есть «универсалия мыслительная, когнитивная, единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Бахтин, 1994: 57].

Идеологема – это вербальная единица, слово или словосочетание «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина, 2005: 91], «имеющее в своем значении идеологический компонент» [Чудинов, 2007: 92]; это «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой»; это когнитивный феномен, «отражающий установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития», осуществляя «целенаправленное воздействие со стороны адресанта (отправителя речи) на сознание адресата (получателя речи)» [Клушина, 2008: 38-39; Клушина, 2003: 269].

Идеологемы часто навязываются властью, выполняя консолидирующую или мобилизирующую роль, и их главной задачей является побуждение к действию (*защита прав человека, суверенитет, национальная идея, территориальная целостность* и т.д.), а политические лидеры используют их как основу для легитимации своего политического курса или упрочения власти. Являясь по сути идеологическим «продуктом» власти, идеологемы играют значительную роль в жизни общества, так как доводятся до объектов властвования как государственная воля, ориентир, политическая инструкция. И, несмотря на то, что они могут не приниматься, оспариваться или же полностью отвергаться обществом, идеологемы служат средством пропаганды и агитации, инструментом оценки и конструирования реальности, то есть использоваться для идейного формирования политического пространства, организации и регулирования политической жизни, создания понятийных структур, которые воспроизводятся впоследствии в виде идей, мнений, ценностей. Таким образом, с практической точки зрения, эффективное использование идеологем определяет успешность политических решений.

Идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тира-

жируемых СМИ, благодаря чему, могут приобретать функции когнитивной универсалии и восприниматься как архетип или превращаться в мифологемы. Так, с помощью символико-стереотипных конструктов в сознание внедряются различные мифы и иллюзии, которые, являясь одним из важнейших факторов, при помощи которых электорат воспринимает политические события и процессы, участвуют в создании и трансформации политических настроений. К. Леви-Стросс отмечал, что «ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе, последняя просто заменила первую» [цит. по Флад, 2004: 85]

Французский семиолог Р. Барт также говорил о слиянии идеологии и мифа, называя их «метаязыками», «вторичными семиотическими системами», «вторичными языками». Он определял идеологию как введенное в рамки общей истории и, отвечающее тем или иным интересам, мифическое построение [см. Барт, 1996].

Сущность мифологемы и идеологемы схожа: сложные явления, укладываясь в устойчивую словесную формулу, с помощью нее редуцируются до «общепонятных идей» (Э. Дюркгейм). Такие формулы легко укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных номинаций и становятся «предметом веры, а не рассуждения» (Л. Леви-Брюль). «Как мифологемы, так и идеологемы включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на чувства людей, то есть обладают суггестивностью. И миф, и идеологема базируются на некритическом восприятии действительности и служат для консолидации социума. Только миф аккумулирует в себе исторический опыт человечества, а идеологема нацелена в будущее: она ориентирует массовое сознание в заданном направлении… Идеологема – это мифологема, используемая в идеологических целях» [Клушина, 2014: 56].

Итак, идеологема – продукт идеологии, репрезентируемый в пространстве политического дискурса в виде отдельных штампов из программных выступлений, документов, лозунгов, манифестов, которая преподносится обществу как часть объективной реальности. Это своеобразный «свернутый» нарратив, через который актуализируются идеологически маркированные концепты, выполняющие роль символического кодирования действительности. Служа целям коммуникации и обеспечивая взаимодействие в рамках политической системы, идеологемы способствуют трансляции политической информации и помогают интегрировать общество в мир политики. Они содержат в себе «коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических институтах и характеризуются социально-идеологической направленностью» [Малышева, 2009: 35].

Идеологеме присущи оценочность, символичность, а также национальная специфичность. Подчеркнём, что восприятие и понимание содержания тех или иных идеологем участниками политических отношений всегда строится на определенной системе общепринятых понятий и концептов, в которых упорядочен весь предыдущий политический опыт представителей определенной лингвокультуры. Они отображают не только текущие реалии, но и содержат своего рода генетическую память, воспринимаясь как на уровне индивида («личностные конструкты» [Kelly, 1955]), так и на общественном (впитавшем в себя всю множественность личностных конструктов), придающем лишь некоторым из них статус общепринятых [Петренко, Митина, 1994].

Таким образом, эффективность воздействия идеологем как способа коммуникации определяется их соответствием насущным социально-общественным проблемам, связью с культурно-национальной и политической традицией, их эмоционально-чувственной насыщенностью и идеологической ценностью в рамках определённой культурной, исторической и социальной среды.

Таким образом, понимание работы идеологем, их анализ и расшифровка предполагает знание контекста, стереотипов, ценностей, ожиданий и верований, бытующих в конкретную эпоху, в конкретном лингвокультурном сообществе.

Демагогическая идеологема: определение понятия

Как замечено выше, идеологемы используются в политике с целью конструирования действительности, в то время как основной целью демагогической идеологемы является её (реальности) искажение. Подобные конструкты сознательно используются в политической коммуникации для создания соответствующих эмоционально-смысловых «клейстеров», помогающих мифологизировать действительность, ведь «широкие массы населения, вникая в суть политических процессов, опираются не только на рациональное, но и на мифологическое обоснование тех или иных политических действий и ситуаций» [Сорокин, 2013].

Демагогическая идеологема – это идеологема-штамп популистско-пропагандистского характера, зашлаковывающая современный политический и медийный дискурс. Она представляет собой концепт, манифестирующий себя в определенный исторический период в качестве реальности, и отличается своей манипулятивностью, императивностью и, главное, симулятивностью. Такие идеологемы используются в политическом дискурсе для усыпления бдительности и подталкивания к заведомо ошибочным выводам. «Сегодня даже в массовое сознание проникла рефлексия об идеологеме как презумпции любого политического и журналистского дискурса. Отсюда частотность упрёков в применении двойных стандартов в политике и промывке мозгов СМИ» [Клушина, 2014: 57].

Демагогические идеологемы отличаются своим широким, назойливым употреблением, презентативной формой и гипнотическим воздействием, однако со временем теряют доверие. Они начинают восприниматься с иронией и скепсисом, лишаются концептуальности, а также ценностного содержания, превращаясь в пропагандистский симулякр, пустой знак [см. Бодрийяр, 2003], создающий иллюзии, обманывающие ожидания людей. Таковы, например, демагогические идеологемы *перестройка, ускорение, гласность,* активно использовавшиеся в период реформирования СССР.

Опасность состоит в том, что соответствующие идеологемы могут озвучиваться определёнными политическими силами и политтехнологами в целях манипулирования общественным сознанием, для идеологических спекуляций, провоцирования нужных поведенческих реакций, легитимации незаконных действий, искажения исторических событий, узурпации власти или санкционирования шагов, приводящих в итоге к дестабилизации. Так, внедряя соответствующие идеологемы вкупе с демагогическими приёмами, государство-экспансионист может умело обосновывать свои действия самыми благородными мотивами: морально-этическими нормами и ценностями, необходимостью реализации прав и свобод граждан, выгодным сотрудничеством, потребностью в совместном решении глобальных проблем и т.д.

Правильно подобранные концепты, благодаря заложенному в них смыслу, вызывают определённую социально-поведенческую рефлексию в массах (как правило, призывающую к действию) и позволяют стране-агрессору, прикрываясь псевдо-гуманными целями осуществить «мягкую» (гуманитарную) или прямую (военную) экспансию. Таким образом, основной чертой демагогической идеологемы является её псевдоположительная сигнификация (значение) и демонстративная, гипнотическая презентабельность. Куда лучше воспринимается не *захват власти,* а *бархатная революция,* не *экспансия*, а *борьба с терроризмом* и т.д.

Однако по прошествии времени становится ясно, что данные идеологемы использовались как уловка в красивой упаковке, призванная скрыть истинные

мотивы государства-экспансиониста/адресанта и исключить сопротивление страны-реципиента/адресата. В некоторых случаях злоупотребление ими приводит к трагическим последствиям, так, например, при помощи использования демагогических идеологем *демократизация, восстановление правопорядка, бархатная революция, ось зла, борьба с тоталитарным режимом/терроризмом* и т.д., были инициированы государственные перевороты, осуществлены военные интервенции, незаконно свергнуты режимы. К сожалению, и в новейшей истории подобные демагогические идеологемы используются в качестве ширмы для осуществления рядом развитых государств, относящих себя к истинным демократиям, геополитические экспансии и революции.

В предлагаемом исследовании попытаемся проанализировать события четверть вековой давности, когда под надуманным предлогом охраны железной дороги, то есть якобы с целью реализации гуманитарной миссии, Грузия осуществила ввод войск и развязала войну на территории Абхазии при попустительстве со стороны мирового сообщества.

Демагогическая идеологема «охрана дорог» как повод для вторжения в Абхазию

Итак, всё началось со стандартной, давно апробированной и умело подобранной Эдуардом Шеварднадзе демагогической идеологемы «охрана дорог», ставшей предлогом для развязывания кровопролитной войны в августе 1992 года. Готовя почву для аннексии Абхазии, лидер Грузии как мантру повторял фразу о «необходимости охраны дорог», а СМИ регулярно использовали стереотипные пафосно-героические идеологические штампы, заявляя, что на территории Абхазии действуют «бандформирования», которые участвуют в «непрекращающихся грабежах» и «террористических актах» на железной дороге, для чего требуются войска, чтобы защитить транспортные коммуникации. В формате story telling, используя исключительно положительные формулировки, Шеварнадзе утверждал, что:

– войска направлены в Абхазию лишь «для борьбы с бандитскими формированиями и для обеспечения безопасности железной дороги»;

– «было вызвано жизненной необходимостью для нашей страны...»;

– «преследовало цель скорейшего выправления положения в Абхазии»;

– «никакой другой задачи перед нами не ставилось»[1].

Однако за этими и подобными штампами скрывалась цель замаскировать, приукрасить военную агрессию. Грузинский лидер артикулировал незамысловатую демагогическую идеологему, базирующуюся на архетипической антиномии «свой/чужой», для поддержания благоприятной информационной почвы и нужной идеологической подоплеки. Умело подобранная и растиражированная идеологема «охрана дорог» сработала, дала наиболее простое и понятное объяснение происходящего, включив «коллективное бессознательное» и создала консолидированную позицию в мире по ситуации в Абхазии. Ведь, ввод войск оправдывался благовидным предлогом – необходимостью осуществления Грузией правопорядка по охране транспортных коммуникаций на территории Абхазии.

«Гуманный» нарратив помогал лидеру Грузии обосновывать свою внешнюю политику не только перед лицом мировой общественности, но и перед своим обществом. Э. Шеварднадзе по сути применял идеологическое кодирование, воздействуя соответствующими штампами на сознание масс с целью мобилизации сил грузинского общества для реализации своих геополитических задач. Вот как ситуацию начала войны описывает один из грузинских политологов: «Со-

[1] «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.

гласно официальной грузинской версии, грузинские войска вступили в Абхазию для защиты автомобильных и железных дорог, но поскольку они встретили сопротивление абхазских повстанцев, которые представляли собой нелегальные военные формирования, то естественно, что правительственные войска попытались подавить сопротивление, а заодно и отстранить от власти тех, кто это сопротивление инспирировал, то есть абхазское сепаратистское руководство во главе с Ардзинбой. Но даже если официальную причину военной операции считать лишь предлогом, это был очень основательный предлог» [Нодиа, 1998: 48].

«Гуманитарное» вмешательство было осуществлено силовым путём при активном использовании вооружённых сил, однако его легитимность, обосновывалась не только и не столько национальными интересами самой Грузии, сколько ссылками на необходимость защиты общечеловеческих ценностей, поддержания мира и стабильности как на конкретной территории, так и в глобальном масштабе. Это была ещё одна «хорошая» идея Шеварднадзе, которая усыпляла бдительность международного сообщества, так как подобные идеологемы, создающие иллюзию «радения за высшие идеалы» универсальны, поэтому быстро и с энтузиазмом осваиваются массовым сознанием. Неслучайно, наряду с идеологемой «охраны дорог» использовались также универсальные стереотипизированные фразы «борьба с сепаратизмом», «нейтрализация повстанцев», «ликвидация бандформирований», «подавление вооружённых групп», «наведение порядка» и т.д., подчёркивавшие важность и необходимость принятия срочных решительных мер. Интересно, что в одном из интервью Э. Шеварднадзе назвал события августа 1992 г. в Абхазии «войной слов». «К несчастью, когда льётся кровь – слов не выбирают, и эта «война слов» порождает новое кровопролитие» [Белая книга Абхазии, 1993: 64].

Истинный смысл «войны слов», нарочитый алогизм и абсурдность идеологической подоплеки ввода грузинских войск был понятен только жителям самой Абхазии, ведь для них это стало войной за «жизненное пространство»: «Шито белыми нитками было объяснение, что войска Госсовета потребовались для стабилизации в Абхазии работы транспорта и других служб. Можно предположить, что эта версия в Тбилиси держалась в уме ещё с зимы, когда звиадисты мешали работе железной дороги, но летом-то она функционировала вполне стабильно. Да и зачем для охраны железной дороги танки и боевые вертолёты? …» [Шария, 1994: 19-20].

По мнению известного абхазского историка и археолога Ю. Воронова, исходя из совокупности заявлений и действий режима Шеварднадзе, истинными мотивами вторжения в Абхазию являлись:

«1. Ликвидация государственности Абхазии с целью превращения её в одну из провинций Грузии.

2. Истребление, подавление и вытеснение абхазов и низведение статуса Абхазии до культурной автономии.

3. Истребление, подавление и вытеснение русскоязычного населения с целью обеспечения грузинской «моноэтничности» в крае.

4. Ограбление с целью разрушения экономических структур и отторжение ресурсов, необходимых для выживания и развития Абхазии как автономного образования.

5. Уничтожение экономических, политических, исторических, культурных, языковых, кровных и психологических связей Абхазии с Северным Кавказом, Россией и Европой с целью полной грузинизации прошлого и настоящего этой территории» [Воронов, 1995: 55].

Однако, демагогическая идеологема «охрана дорог» помогла грузинским властям, завуалировав свои подлинные интенции, сформировать «правильное» политическое настроение и вызвала эмоциональную поддержку людей извне. При помощи данного символико-стереотипного идеологического штампа, создав соответствующие политические настроения и ареал жертвенной необхо-

димости, было осуществлено безнаказанное военное вторжение на территорию Абхазии.

Идеологема «охрана дорог», по сути, свою миссию выполнила, усыпив бдительность мирового сообщества и послужив довольно эффективным формальным поводом для аннексии Абхазии. Правильно подобранная и артикулированная грузинскими лидерами идеологема была ясна, одинаково понимаема, несла положительную аксиологическую сигнификацию, то есть соответствовала общепринятым идеологическим представлениями о должном/необходимом. Носители различных культур и политических взглядов поняли её как эксплицирующую позитивное действие, наряду с такими универсальными идеологическими константами, как *защита прав человека, толерантность, гуманизм.* Поэтому, несмотря на то, что в действительности действия руководства Грузии носили преднамеренно захватнический характер, мировые СМИ молчали. Практическое отсутствие международного внимания к войне в Абхазии признают многие западные журналисты. «Abkhazia was covered by only a handful of mostly Russian journalists, and the war went virtually unnoticed in the western world» [Chapple, 2017].

Кроме того, в качестве официальной позиции США и европейских государств была заявлена приверженность «территориальной целостности Грузии» и политике «стратегического терпения». Факт интервенции так и не получил должного осуждения тем более, что СМИ Грузии, активно работавшие на внешний мир, весьма успешно навязывали «свою» информацию для отвлечения внимания от реального состояния дел.

Возможным объяснением подобной реакции может быть тот факт, что власти Грузии изначально применили своеобразное идеологическое кодирование, которое оправдывало незаконное с точки зрения международного права вторжение на территорию Абхазии. Информационная стратегия, в отличие от военной, была властями Грузии чётко продумана, и руководству Абхазии стоило больших усилий взломать информационный вакуум вокруг событий 1992-1993 гг. в Абхазии.

Не удивительно, что идеологема, содержащие мотив охраны дорог – такого аффиктивно-манипулятивного компонента со знаком «плюс», вызвала положительно сочувствующую реакцию людей, далёких от политических реалий. Мировому сообществу, не вникавшему в суть проблем и сложных исторических взаимоотношений Абхазии и Грузии, было сложно определить, что реально происходит в этой части постсоветского пространства, и, так как единственным источником информации были сообщения грузинских СМИ, оно восприняло шаги грузинского руководства по введению войск в Абхазию как оправданные. К сожалению, приходится констатировать, что и сегодня западное сообщество проявляет определённый уровень восприятия по отношению к Абхазии, согласно последовательно озвучиваемым Грузией идеологемам, как то *борьба с сепаратизмом, отколовшиеся территории, марионеточные режимы* и т.д., и не желает прислушиваться к альтернативному мнению.

Последствия войны

После окончания войны в 1993 г. транзитные перевозки через Абхазию были прекращены. Страна перестала быть транзитным государством, оживлённой транспортной артерией, бесперебойно функционировавшей на Южном Кавказе и снабжавшей сырьевыми ресурсами и продовольственными товарами весь регион. Заметим, что в силу своего географического расположения, Абхазия издревле являлась важнейшим коммуникационным коридором и представляла большой интерес в стратегическом отношении. По территории Абхазии пролегали дороги, соединявшие Закавказье и Северо-Западный Кавказ, а длинная полоса вдоль Черноморского побережья способствовала проникновению и укреплению культурных связей с цивилиза-

циями всего мира с античных времен, о чем свидетельствуют многочисленные археологические материалы. Так, по словам П.К. Услара, «Диоскурия (или Севастополис совр. Сухум) была окном, сквозь которое римляне смотрели на Кавказ…», а Византийская империя распространяла своё религиозное и культурное влияние на всё Северо-Восточное Причерноморье и Северный Кавказ именно через Абхазию.

Таким образом, жизнь здесь всегда протекала динамично, и важнейшие цивилизационные процессы не обходили страну стороной. Вот как об этом писал известный кавказовед академик Н.Я. Марр: «Великая торговля с толмачами на десятках языков в абхазском городе (Севастополисе) привлекала, надо думать, всякого типа искателей наживы, но с востока или запада, отовсюду они приходили из культурных стран и происходил обмен не только товаров, но и идей… Ясно, что абхазский народ, не только имевший общение с просвещёнными народами на продолжении многих веков, но и творчески приминавший участие в древности в развитии общекавказской христианской культуры, как народ с историей, заслуживает внимания историка Кавказа, тем более археолога» [Марр, 1938: 126-128].

После войны 1992-1993 гг. Абхазия стала транспортным путиком, будто попав в хронотопический капкан, – темпоритм замедлился, координаты сбились войной и поствоенной блокадой, начался процесс вымывания интеллектуальной элиты из страны, а оставшаяся научно-академическая и творческая интеллигенция скорее занималась самоосознанием и самосозиданием. Все эти факторы не могли не сказаться на восприятии себя и окружающего мира, ибо искусственно созданные вокруг страны хронотопические барьеры затрудняли общение с миром, что привело к тому, что общество вынуждено было самоорганизовываться.

Наметившиеся перспективы региональных и глобальных разломов, столкновений цивилизаций в эпоху мирового идеологического противоборства и сегодня представляют большую угрозу для маленькой страны, географически расположенной на стыке цивилизационных дорог (географических, религиозно-идеологических, культурных). Парадоксально, но вместе с тем, возможно, отчасти благодаря этому, Абхазии удаётся сохранить свою национально-культурную экзистенциональную идентичность и не раствориться под ударами глобализационных трансформаций, которые уже отразились на судьбах многих народов, оказавшихся (лежавших) на перекрестках дорог.

Напротив, жёсткая послевоенная блокада, когда Абхазии перекрыли все коммуникационные каналы, лишили связи с миром и поместили в своеобразный хронотопический вакуум, обострила потребность в самоидентификации, саморазвитии, защите своих границ, своей пространственно-временной локализации. Таким образом, когда закрылись все горизонтальные пути-дороги, возникла необходимость использования вертикальных, духовных, экзистенциальных «внутренних» каналов. На мой взгляд, именно это самостоятельное движение в послевоенные годы и в период «заморозки» конфликта, с опорой на собственные, в первую очередь духовные силы, доказало возможность автономного существования государства, что во многом способствовало дальнейшему признанию независимости республики.

Вместо заключения

Проведенный в работе анализ событий четвертьвековой давности показал, что озвученная властями Грузии в августе 1992 года демагогическая идеологема «охрана дорог» была лишь формальным поводом для осуществления экспансии на территорию Абхазии. Однако она сработала и усыпила бдительность мирового сообщества, хранившего гробовое молчание в первые дни войны, когда ещё можно было повлиять на ситуацию.

С момента окончания войны 1992-1993 гг. регулярно «всплывает» тема восстановления транзитного движения

в Армению по Абхазской железной дороге, однако вероятность осуществления этого плана при политической неразрешённости конфликта с Грузией остаётся низкой. Несмотря на последствия войны, с точки зрения геостратегической важности Абхазия, расположенная на побережье Чёрного моря, с автомагистралью и железной дорогой, проходящей через всю её территорию, представляет собой важный транспортный канал коммуникации для всего Закавказья, а это регион, который на мировой «шахматной доске» занимает значительное место.

Согласно геополитической теории Х. Маккиндера (*Halford Mackinder*), это «так называемый «Heartland», который должен контролироваться любой властью, претендующей на доминирование в мире» [Mackinder, 1919: 194]. «Южный Кавказ принадлежит к числу регионов, значение которых как перспективного источника природного газа и нефти и перекрёстка европейских и евразийских транспортных путей в современном мире неуклонно возрастает. Но его стратегическое значение не ограничивается возможностью реализации энергетических проектов, сколь бы важны они ни были. Его геополитическая значимость определяется близостью к конфликтным районам Ближнего и Среднего Востока, а также тем, что государства Южного Кавказа граничат с Россией и двумя крупными региональными державами – Турцией и Ираном» [Языкова, 2014: 8].

Сегодня никто точно не знает, как будут выглядеть коммуникационные артерии в будущем, и не изменятся ли транспортные приоритеты с появлением новых цифровых технологий. Однако, на наш взгляд, роль транспортных коммуникаций в истории человечества будет оставаться существенной, по крайней мере, в ближайшие десятилетия.

Список литературы:

Барт Р. Мифологии. М.: Изд. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 170 с.

Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. 357 с.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Русская книга, 2003. 260 с.

Воронов Ю. Боль моя Абхазия. Гагра, 1995. 111 с.

Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [отв. ред. М.Н. Володина]. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 269-289.

Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.). Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2008. 62 с.

Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. №4 (50), 2014. с. 54-58.

Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989-2006 гг. М., 2008. 499 с.

Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 90-104.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32-40.

Марр Н.Я. Кавказоведение и абхазский язык / Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов. М., 1938. С. 126-128.

Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 19-67.

Петренко В., Митина О. Психосемантическое исследование политического менталитета // Общественные науки и современность. 1994. №6. С. 82-99.

Сорокин А. А. Политические символы и их влияние на массовое сознание / А. А. Сорокин // Труд. Профсоюзы. Общество. 2013. № 2. С. 96–99.

Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Г. Георгиев. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 254 с.

Шария В. Абхазская трагедия. Сочи: Б.И., 1994. 140 с.

Языкова А. Государства Южного Кавказа в системе международных координат // Кавказ и глобализация. Том 8, выпуск 3-4, 2014. с.7-16.

Beard, A. The Language of Politics. Routledge, 2000. 136 p.

Chapple, A. The War for Abkhazia: 25 Years Later. Aug 23, 2017. www.rferl.org

Kelly, G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y., 1955. 400 p.

Mackinder, H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: Constable and Company, 1919.

Об авторе:

Агрба Лана Алексеевна – к.филол.н., доцент кафедры английского и немецкого языков Абхазского Государственного Университета. 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1. E-mail: lagrba@mail.ru.

AH, THE ROADS! OR HOW DEMAGOGIC IDEOLOGEMES WORK

L.A. Agrba

Abkhazian State University, 384900, the Republic of Abkhazia, Sukhum, 1 University Street.

Abstracts. *This article is an attempt to show how the means of manipulative construction of political reality work on a single example of ideological concept of "road protection", used a quarter of a century ago by the Georgian authorities as a pretext for a military invasion of Abkhazia. The study revealed that such ideologemes initiate a certain socio-behavioral reflection and allow the aggressor country, under the guise of pseudo-human goals, to carry out both "soft" (humanitarian) and direct (military) expansion. The concept of ideology has acquired special significance for modern political linguistics, and today, in the era of hybrid wars, its analysis and study are more relevant than ever. The aim of the study is to analyze the ideology of "road protection" which highlights the manipulative conceptual features and to prove its demagogic nature. To achieve this goal, we will turn to the events of August 1992 and try to understand the symbolic and ideological concept of "road protection", used as a lingua-pragmatic background of expansion. The goal is to understand how to use ideological cliches in the minds of the implemented setup, and create unnecessary political mood which enabled the Georgian authorities to implement, not condemned by the international community, the military invasion of the territory of Abkhazia. The novelty of the work lies in the fact that for the first time it introduces and actualizes the concept of demagogic ideology. We define demagogic ideology as a populist-propaganda stamp, manifested itself in a certain historical period as a reality, and characterized by imperativeness and, most importantly, simulativeness. Such ideological cliches are thrown in political discourse with the aim to lull the vigilance and urging them on*

to obviously incorrect conclusions. Over time, however, demagogic ideologies lose their importance and are perceived as not justified expectations of performance, error, not relevant axiological dominant members of a particular culture. In our work we adhered to the following methods of research: linguoideological – to interpret the content of corresponding ideologies; linguistic and semiotic – with the aim of realizing the symbolic mechanisms used for the influence and formation of the corresponding reactions in the consciousness of the masses; and linguocultural – to identify the causes of certain ideological concepts effectiveness.

Key words: *Abkhazia, Georgia, road protection, demagogical ideologeme, expansion, concept, symbol, political discourse, manipulation, mythologization*

References:

Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Publishing Sabashnikovs, 1996. 312 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiia iazyka* [Freudianism. Formal methods in literature. Marxism in language philosophy]. Moscow, Labyrinth, 2000. 640 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's work]. Moscow, Alkonost, 1994. 170 p. (In Russian).

Belaia kniga Abkhazii. 1992-1993 [The White Book of Abkhazia. 1992-1993]. Moscow, 1993. 357 p. (In Russian).

Bodriiiar Zh. *K kritike politicheskoi ekonomii znaka* [For a critique of the political economy of the sign]. Moscow, Russian book, 2003. 260 p. (In Russian).

Voronov Iu. *Bol' moia Abkhaziia* [My Pain Abkhazia]. Gagra, 1995. 111 p. (In Russian).

Klushina N.I. Obshchie osobennosti publitsisticheskogo stilia [General features of journalistic style]. *Iazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia media* [Language as an object of interdisciplinary research] / ed. M.N. Volodina. Moscow, Publishing house of Moscow State University, 2003. pp. 269-289 (In Russian).

Klushina N.I. *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdanii 2000-2008 gg.):* avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Intentional categories of the journalistic text (by the material of periodicals of 2000-2008): author. dis. doct. philol. sci.]. Moscow, 2008. 62 p. (In Russian).

Klushina N.I. Teoriia ideologem [The theory of ideology]. *Politicheskaia lingvistika - Political linguistics,* 2014, no. 4 (50), pp. 54-58 (In Russian).

Konflikty v Abkhazii i Iuzhnoi Osetii. Dokumenty 1989-2006 gg. [The conflicts in Abkhazia and South Ossetia. Documents 1989-2006]. Moscow, 2008. 499 p. (In Russian).

Kupina N.A. Zhivye ideologicheskie protsessy i problemy kul'tury rechi [Live ideological processes and problems of speech culture]. *Iazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Yekaterinburg, Ural. State Ped. Univ., 2005. pp. 90-104 (In Russian).

Malysheva E.G. Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiia [The ideologeme as a linguistic and cognitive phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaia lingvistika - Political linguistics,* 2009, no. 4, pp. 32-40 (In Russian).

Marr N.Ia. Kavkazovedenie i abkhazskii iazyk [The Caucasus and the Abkhaz language]. *O iazyke i istorii abkhazov* [About language and history of Abkhazians]. Moscow, 1938. pp. 126-128 (In Russian).

Nodia G. Konflikt v Abkhazii: natsional'nye proekty i politicheskie obstoiatel'stva [Conflict in Abkhazia: national projects and political circumstances]. *Gruziny i abkhazy. Put' k primireniiu* [Georgians and Abkhaz. The way to conciliation]. Moscow, 1998. pp. 19-67 (In Russian).

Petrenko V.F., Mitina O.V. Psikhosemanticheskoe issledovanie politicheskogo mentaliteta [Psychosemantic research of political mentality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' - Social Sciences and modernity,* 1994, no. 6, pp. 82-99 (In Russian).

Sorokin A.A. Politicheskie simvoly i ikh vliianie na massovoe soznanie [Political symbols and its influence on mass consciousness]. *Trud. Profsoiuzy. Obshchestvo - Labor. Unions. Society,* 2013, no. 2, pp. 96-99 (In Russian).

Flad K. *Politicheskii mif. Teoreticheskoe issledovanie* [Political myth. Theoretical research] / tr. from English A.G. Georgiev. Moscow, Progress-Tradition, 2004. 264 p. (In Russian).

Chudinov A.P. *Politicheskaia lingvistika: uchebnoe posobie* [Political Linguistics: A Study Guide]. Moscow, Flint: Science, 2007. 254 p. (In Russian).

Shariia V.V. *Abkhazskaia tragediia* [Abkahz Tragedy]. Sochi, B.I., 1994. 140 p. (In Russian).

Iazykova A. Gosudarstva Iuzhnogo Kavkaza v sisteme mezhdunarodnykh koordinat [States of the South Caucasus in the system of international coordinates]. *Kavkaz i globalizatsiia - Caucasus and globalization*, 2014, T. 8, Vol. 3-4, pp. 7-16 (In Russian).

About the Author:

Lana A. Agrba – PhD in Philology, Associate Professor, The English and German Languages Department at Abkhazian State University. 384900, the Republic of Abkhazia, Sukhum, 1 University Street. E-mail: lagrba@mail.ru.